

С ЧЕГО-ТО полагается начать.

Я начну с цитаты из фильма. По улицам маленького черепичного городка едет автомобиль, представляющий собой нечто среднее между титаном для кипячения воды, положенным на бок, колесной (четыре) прямой и яйцом Фаберже. Он дымит, как Дума, и подпрыгивает на булыжной мостовой. За рулем неспитичные люди, ряженые под ряженых, в белых чересках с попонами. На полдороге стоит интеллигентного вида человек в пенсне и что-то говорит, но из-за грохота мотора не слышно.

Кабриолет останавливается у духана. — Господа, — обращается к водителям, скажем, адвокат. — Не хотите ли выпить по стакану легкого иристого вина?

— Мы за рулем, — с вызовом отвечают господа.

— Минуточку, — просит интеллигент, которому хочется выпить стаканчик легкого иристого вина, но у которого, по видимому, нет на это средств (иначе зачем бы он приглашал малознакомых владельцев автомобиля — с друзьями бы выпили), и скрывается в подвальчике.

Через несколько секунд, недостаточных не только для того, чтобы опрокинуть стаканчик, но и для налива в него, он выходит с репликой:

— Хам... Невоспитанный хам.

Изящно и без нажима персонаж закидывает в мою душу тему, над которой я не задумывался. Хам есть невоспитанный и воспитанный. Воспитанный может означать, что сначала он не был хамом, но из него вырастили, и еще: что хам образован, хороших кровей и занимает положение в обществе.

Но эпизод уже прошел, он-то занимал в фильме Георгия Данелии «Не горюй!» 20 секунд. И вообще сцена не обязательная. Так, между прочим.

— Нет! Не так! Дай я скажу. Я точнее помню...

Это тоже цитата, правда, не из кино, а из спора с Георгием Николаевичем. Я действительно точнее его помню мой самый любимый фильм.

Лет десять назад во время испытаний глубоководных обитаемых аппаратов «Мир» на научном судне «Келдыш» мне посчастливилось посмотреть «Не горюй!» тридцать раз. Не я его заказывал. В экспедиции разговаривали репликами героев и пели «Однажды русский генерал вдоль по Кавказу проезжал» всякий празник.

— Софико, не волнуйся, такая жизнь: твой муж Бенджамена убил...

Очаровательная Софико Чиаурели смотрит на соседку, которая в подтверждение своего сообщения обращается к мужу-охотнику, участвовавшему в кутеже.

— Ванечка, убил Лука Бенджамена?

Ванечка, не отрываясь от малого, но важного дела (сколько вина выпили), совершенно без интонации, как бы одним словом говорит:

— Убили... убили...

А феноменальная сцена репетиции поминков, где великий Серго Закаридзе подается до высокого трагизма!

— Там гробы принесли. Черный и красивый. Тебе какой?

И плачут, и танцуют, и поют, и сердце твое сжимается от счастья, и на глазах слезы, и улыбка на устах... Пожить бы с ними, в этой компании, в этой стране. Но нет. Не было такой Грузии, как в «Не горюй!», не было такой Москвы, как в «Я шагаю...», не было такой Америки, как в «Совсем пропащем». Разве что будущее у нас, как в «Кин-дза-дза», но и это мы не проживем.

Сказочник. Ну да. Он нам протягивает руку и говорит голосом незабвенного Фрунзика Мкртчяна:

— Хочешь конфетку?..

И мы, как Буба Кикабидзе, выросший в его фильмах в прекрасного актера, доверчиво улыбаемся.

— Конечно!

— Нету.

Нету, но есть. В фильмах Данелии есть презумпция доброты. Он цепляется за своих героев, как за спасительную соломинку, и удивительно, что она выдерживает. И мы цепляемся и висим гроздьями, по многу раз просматривая его фильмы. Он учит видеть обаяние жизни. В его фильмах нет ни одного положительного героя, но все не безнадёжно.

Из чего он их складывает? Я представляю, как он с другим невероятным сказочником Резо Габриэлем придумывают жизни героям «Не горюй!», «Мимино», «Кин-дза-дза», и сожалею, что в ту пору не был с ними так дружен, как теперь, когда они разошлись и фантазируют поодиночке.

Данелия не похож на своих героев. Он тих и замкнут. Уединение, собственный выбор. Одиночество — выбор обстоятельств. Он большей частью сидит дома, читает книги, сочиняет музыку и придумывает сюжеты для сценариев, которые с легкостью сам же опровергает. Тем не менее во многих поступках можно узнать черты поведения Георгия Николаевича.

Софико отправляет Бенджамена и своего мужа Луку свататься к красавице (А. Вертинской), они выходят на мост, и тут Бенджамен предлагает пойти в духан перед важным шагом. Деверь отказывается.

— Нет! — говорит Бенджамен. — Пить не будем! Просто посидим.

Чем это закончилось, вы знаете.

Георгий Николаевич (тогда Гия) влюбился в некую даму, прекрасную и недоступную. Долго, безуспешно ухаживал за ней и, в конце концов, добился благосклонности. К свиданию он готовился с волнением и предчувствием радости долгих и серьезных отношений. Цветы купил. Подходя к дому, который находился на Маяковке, над бывшим тогда магазином «Грузия», прихватил в этом самом магазине бутылку коньяка «Енисели» просто так. Для букета. (Пить не будем. Просто посидим.)

Дама его ждала, однако Гия столь долго мечтал об этом моменте, что несколько оробел. И для храбрости выпил рюмочку. После другой, третьей робость постепенно уступила жизнелюбию.

— Хорошо сидим!

Эту фразу из «Осеннего марафона» он, возможно, и не произнес, но подумал наверняка. Неприступный предмет его долговременного обожания был на расстоянии вытянутой руки, но рука была занята стаканчиком. Вечер складывался как нельзя лучше, да и ночь обещала радость, и Николаич решил ее не оттягивать.

— А теперь давай поедом во Внуково, там ресторан работает круглые сутки. Посидим хорошо. Наверняка увидим кого-нибудь из друзей.

— Лучше останемся здесь, — сказала слегка фразированная таким поворотом событий долготерпеливая прекрасная дама.

— Ладно, — согласился Гия, — тогда я поеду один.

У него была замечательная компания — Геннадий Шпаликов и Виктор Некрасов. Они могли говорить и выпивать ногами и работать без сна.

Мы с ним тоже выпивали, и это, по моему, тоже смахивало на сюжет из любимого фильма. Он поднимался на один этаж в комнату, расположенную строго над его квартирой, и аккуратно спрашивал, нет ли чего-нибудь выпить?

Было, граждане! Поезд № 14 Тбилиси — Москва ходил исправно. Мой друг актер Гогит Харабидзе, снимавшийся у другого великого режиссера Отара Иоселиани в «Листопаде», загрузил ящики с «Циндальди», «Гурджаани», «Мукузани» (не перебивайте! Дайте повспоминать востать), «Тиши», «Тетра», «Манави» (ах, «Манави»), «Напареули», «Ахашени», «Оджалеси», «Хакетинский», «Сапарави»... и отправил в Москву, чтобы во время набега на столицу с Мишей Чачавадзе, Огаром, Лелю Бокерия... не пить всякую ерунду. Ишчи стояли на лестнице черного хода.

Мы с Георгием Николаевичем садились за стол в кухне или на балконе, где, впрочем, была опасность, что кто-нибудь, пусть не в синем халате магазинного грузчика, но столь же страстно желающий выпить, как герой Брондукова, закричит снизу:

— Афоня! Николаич! Михалыч!

Мы наливали и начинали (компментарно) выбирать трех лучших режиссеров мира. Не по порядку. Просто тройку. Вина было достаточно, а тема нескучная.

— Так, — начинал Данелия, — Феллини, раз! Теперь ты говори.

— Данелия, два!

— Нет, дорогой!

— Да, дорогой!

— Давай без меня. Конечно, некоторые фильмы я снял неплохо.

— Гениально, дорогой. Кто лучше тебя снимет...

— Многие... Ну, кое-кто все-таки есть... Хотя и я.

— Конечно, дорогой!

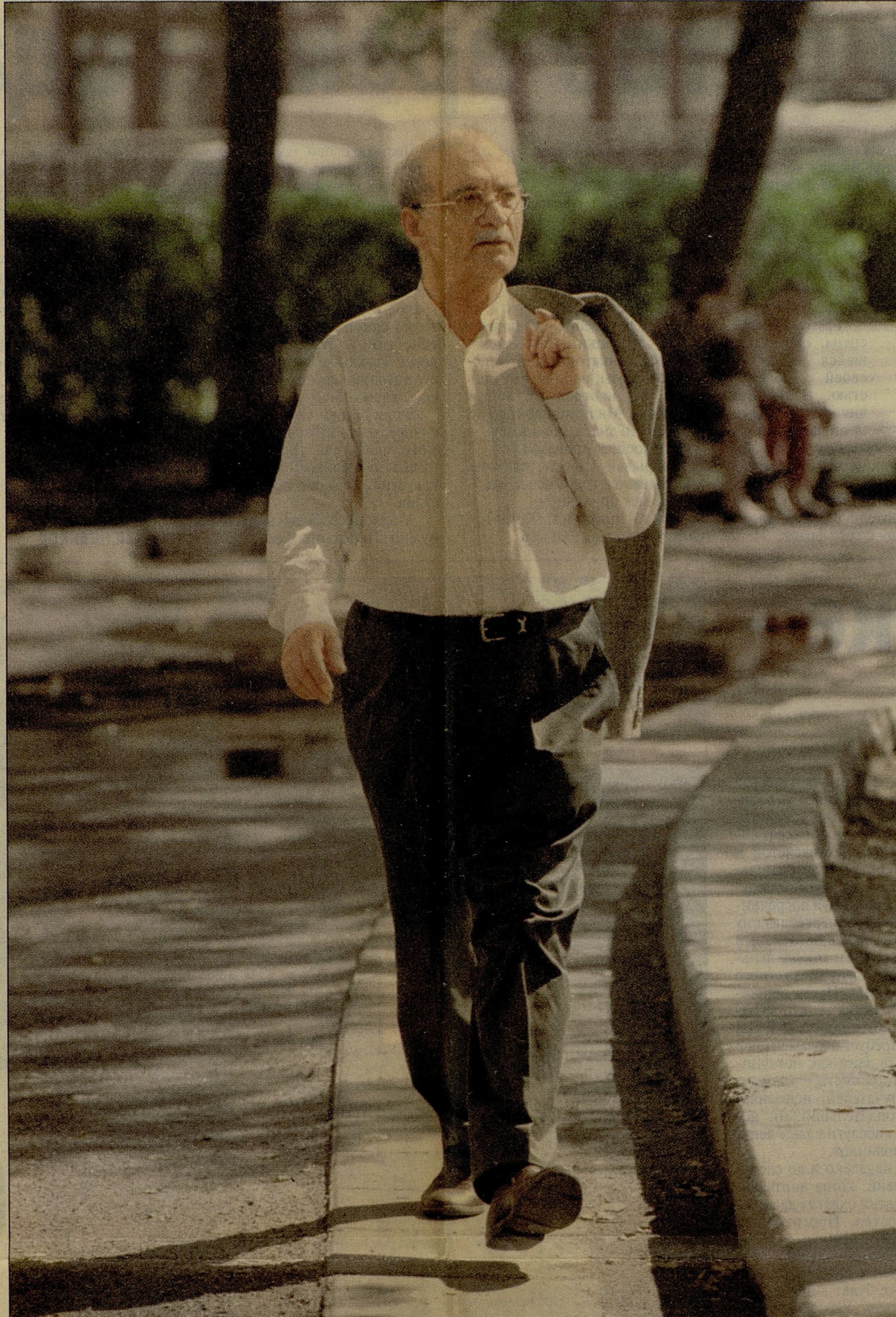
Полная стенограмма дебатов, к сожалению, никогда не будет опубликована, потому что ее нет, но смысл многочасовых обсуждений сводился к тому, что всякий раз надо было выбрать лишь третьего. Не буду этих третьих называть. Стенограмма закрытая.

Важно, что первым всегда был Федерико Феллини единогласно. Мы пели музыку из его фильмов. Нетромко, но Гина жена Галия слышала нас отчетливо и записала дверь, которую мы без труда потом отжили топором.

В моей жизни великий итальянский мастер существовал как автор великих и понимаемых мною картин. В жизни Данелии — еще и как реальный человек, восхищавшийся искусством Николаича. Феллини очень нравился фильм, в любви к которому я уже признавался, — «Не горюй!», и это свидетельствует о неиспорченном вкусе мастера.

А вот Сергей Паралжанов этот фильм недолюбливал, что, разумеется, не говорит о его скверном вкусе. У него был вкус замечательный, но иной. Он любил другую картину Данелии — «Совсем пропащий». Сказку про Америку и Гека Финна, снятую тонко, без фальши, смешную и грустную, с великолепными Леонавым и Кикабидзе.

Когда Паралжанов посадили в тюрьму за несовместимость с советским образом жизни, он проползал там творить. Материала для его феноменальных коллажей было мало. Не было повес. Фильмы ему и на свободе не давали снимать, не то что в заточении, а молочно, как человеку нездоровому и за которого вступились весь культурный мир, все-таки полагалось. Кульши из серебристой фольги он прятал и алюминиевой ложкой выдвигал на них дивной красоты рельефы. Один из таких рельефов он во

ДАНЕЛИЯ, НЕ ГОРЮЙ!

Он и в 70 шагает по Москве

время свидания перелал на волю, чтобы его отправили Феллини и Тонино Гуэрре.

Те, получив подарок, не стали спорить, кому он принадлежит, а сходили к ювелиру, который отлил по Сережиной крышке три серебряные медали. Олну Федерико, другую Тонино, а третью кому-нибудь, кто не испортил компанию.

В это время в Италию шел фестиваль, куда наши привезли «Не горюй!». Но жюри не дало ей приза. Тогда два корифея мирового кино достали третью серебряную медаль и вручили ее Данелии.

Потом Данелия рассказал эту историю Паралжанову.

— Я получил сделанную тобой медаль за фильм, который ты не любил.

— Хорошо, Гия, считай, что от меня ты получишь ее за «Совсем пропащего».

Георгий Николаевич Данелия снял пятнадцать картин, а я вспоминаю их не все. Потому что разговор так складывается. Он мог бы сложиться иначе, и тогда мы беседовали бы о фильмах «Путь к причалу» (где он подружились с достойным писателем и моряком Виктором Конешкиным и замечательным композитором Андреем Петровым), о «Я шагаю по Москве» (с юными Никитой Михалко-

вым и Евгением Стебловым), о «Сереже» с Сергеем Бондарчуком, которого Данелия любил, уважал его необыкновенный дар и не изменял их дружбе. «Слезы капали» мы не упоминали. Прерыв перечня, а то он превращается в пресмы, который в вежливой форме напоминает читателю о фильмах, которые он помнит и без меня.

— Разрешите посоветоваться с семьей, — говорит Травкин, которого играет Леонав в фильме «Тридцать три», сопредседателю в «Зубом» перед отлетом героя, с лишним зубом во рту, в иные миры. И, получив от жены кальсонки по морде, говорит, как только и может сказать Леонав в фильме Данелии.

— Семья согласна!

Читатель согласен — не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и призы.

Все шло удачно... До одного дня все шло, в общем, удачно.

Там, в «Тридцать три», есть кадры, когда семья Травкина по телевизору следит за улетом скоростного самолета по беззвучным напикам в бесмертие. На полу перед экраном сидят два мальчика. Один из них Коля — любимый сын Данелии.

В только что снятой «Фортуне» ближе к финалу в ресторане, где Кикабидзе (Фома) выпивает с Иллиным (Гариком), за соседним столом сидят девушки. Одна из них хохотунья, круглолицая — Аленка, дочь Коли. Внучка Данелии.

...Мы с Чистых прудов выезжаем на Новый Арбат и дальше по Кузнецкому проспекту до Рыбинского. Перед Кузнецким кладбищем покупаем цветы. У нас есть кто там навещать. Сначала к родителям Николаича — папе Николаю Дмитриевичу — известному строителю московского метро, и маме — тете Мэри, как звали ее Гины друзья, родной сестре Верико Анджалидзе. Потом к Коле. Он был очень талантливым художником и поэтом. Возвращаясь, мы заходим к нашему близкому другу Сереже Купреву — одному из самых преданных друзей людей, которых я знал в своей жизни, к Зиновию Герeltu, Андрюше Пальничкину... Все рядом. Коля был моложе всех. Не помню год его трагического ухода. И Гия не помнит. Знаю, что на дворе была «Кин-дза-дза».

После смерти Коли он перестал выпивать вообще. Замкнулся... Ему было невероятно трудно работать. Он хотел сделать одну серию, но приходил в себя тяжело и долго и просрочил время или какой-то договор, и пришлось делать две. «Кин-дза-дза» оценила молодежь. Она поняла, что боялось понять старшее поколение — грядет жавый мир. Фильм стал «КУ» — культовым. Цвет штанов. Колокольчики в носу. «Пепел», летающий черт знает на чем и за чем... Кафе (это ЦК наоборот?), без которого жизнь стоит. Я спускался этажом ниже, заходил в комнату, где работали над сценарием Габриэля с Данелией, и ничего не мог понять. Они изобретали планету, язык, оружие — все мусорное, все на выброс, но работающее почему-то. Это потом появились в мире фильмы о технологиях распада. Много, но ни один из них не поднялся (с моей точки зрения) до такой тонкой иронической философии.

— Скажите, у вас за границей грибные леса есть?

У нас за границей грибных лесов нет.

Это из «Осеннего марафона» — первого советского фильма мужского ужаса. Хичкок отдыхает. Александр Володин написал сценарий, в котором каждому из нас есть место. Данелия снял. Нелюба, Гундарева, Волчек, Басилашвили, Леонав, Кухинке, Крючков — все блистательны. Фильм невероятной нежности и юмора, а с дамой пойти нельзя. «Все вы такие».

Ах, Бузыкин! Alter его. Нехорошо, Георгий Николаевич, так нас закладывает. Впрочем, и себя.

«Бесконечной альтернативой жизни с боков обтекают меня» — писал Винсент Шеремет.

Альтернатива — это выбор. Выбор — это свобода, даже если после бессонной ночи не можешь отказать иностранному филологу, усвоившему, кто ходок, а кто «алкач», чтобы утром в тренировочном костюме с вытянутыми коленями бежать трусой по Москве.

Данелия всем оставляет выбор. Он никого не учит и не настаивает на своем. Может быть, опасается плохих людей и поэтому населяет свой киномир хорошими. Его работы наполнены добротой, и сколько отсюда ни берешь, меньше не становится. Нет в них ни смирения, ни ожесточения.

Лето. Окна открыты. Слышу музыку. Спускаюсь этажом ниже. Георгий Николаевич в трусах сидит за синтезатором.

— Это к «Паспорту». Тебе как?

— Хорошая музыка. Сам сочинил?

— Нет. Гия Канчели.

— Все равно хорошая.

Канчели много писал для фильмов Данелии. Он придирается, спорит, потом соглашается и правильно делает. Канчели — один из крупнейших мировых композиторов, к тому же любит Николаича, и музыка его так же добра и прозрачна, как сами фильмы.

Сценарий к «Паспорту» он начинал писать с Габриэлем, продолжал с Хайтом, а закончил сам. Отвращение к границам, искусственным кордонам в безграничном мире сквозит в этом авантюрном фильме. Вкуса горечи нет, а послекусие остается устойчивое. Крик французского актера, играющего сразу двух грузинских братьев, один из которых по ошибке попал в Израиль и не может никак вернуться на родину, долго стоит в ушах.

— Пограничник! Не стреляй.

Это был первый фильм после большого перерыва. Николаич волновался и, как следствие этого, совещался со мной. Точнее, он мне проигрывал куски сценария и проговаривал судьбы, без учета, впрочем, моего мнения, хотя утверждал, что прислушивается.

— Я оставил его жить, как ты советовал.

Очень хорошо. Мне удалось спасти одну кинематографическую жизнь, к тому же поучаствовать в творческом процессе. Прихожу в другой раз и читаю в сценарии, что герой погиб.

— Гия?

— Видишь ли, пока тебя не было, он случайно наступил на мину. Но ты мне помог, и я тебе за это что-нибудь подарю.

— Подари свой рисунок. — Он ведь архитектор в прошлом и неплохой график.

— Ну что рисунку... — В этом смысле Данелия прижимист. — Я тебе что-нибудь большое.

Большое не заставило себя ждать. Возвращаясь как-то домой, на сумрачной лестничной площадке я увидел совершенно обнаженную женщину, стоящую у моей двери. Сидром Бузыкина заставил меня оглянуться. «Хорошо, что возвращаюсь домой один». Выбрав из всех вариантов поведения самый трусливый, я тихо спустился этажом ниже и наткнулся на Данелию.

— Ну как?

— Фигура хорошая.

— У манекенов плохих не бывает.

Клава, так мы называли красавицу, прожила долгую и яркую жизнь. Дома она не задержалась. Сочетание Джека (учебного скелета собаки) с голый пластмассовой женщиной не радовало живых, и я отнес ее на работу в «Литературную газету», решив украсить комнату, где мы обитали с Юрой Шекочихиным. Повесив наглядное пособие во внутреннем проеме окна, мы зажили беспокойной жизнью. К нам стали приводить нестыльных авторов и просто заглядывали выпить рюмочку с Клавой. Но и реакция

не дремала. Одно недружественное издание обвинило Шекочихина, что он, борясь за общественную мораль, в то же время занимается мучением голых баб, заставляя их висеть в окне (спинной), а мне один поэт из того же издания посвятил стихи: «Кровь брызнула / спешит на тонких ножках / в джинсовой куртке хуленский вампир».

В этих строках все было правдой, кроме слова «хуленский». В то время во мне было 95 кг. Я расстроился неточности, но тут позвонил прекрасный поэт и дивный человек Саша Аронов и сообщил свой отклик на ту еще поэзию вежливо — на «вы»: «Что ближе вам: стихи Куняева / или журнальная х...я его?»

Так благодаря Данелии я стал известен в поэтических кругах. Теперь мне хотелось приспосабливаться к кругам кинематографическим, тем более что добрый Марк Рудинштейн постоянно приглашал на «Кинотавр» в роли обузы. И, хотя там за десять лет не удалось посмотреть ни одного фильма, мне хотелось иных ролей.

«Кинотавр» вспоминается тоже в связи с Данелией. Он получал там призы, как во многих местах земли, но не в этом дело. Там ему удается уединение, а не одиночество.

Прямой и спокойный, в белой кепочке, шортах и со старинным серебряным крестом, видным из-под распахнутой рубашки, он ходит по бетонному променаду, с великим интересом выслушивая истории жизни, сценарии, просьбы и просто свидетельства признания к нему и его фильмам. Он ни в чем не участвует, он накаливает слова и впечатления. Данелия сам не летает — он руководитель полетов.

Вечером он тихо идет в казино и осторожно, по самой маленькой, старается не проиграть. Не проигрывает — его выигрывает. Он знает там многих, следит за игроками и ничему не учится.

В «Фортуне» капитан Фома играет в казино. Это важно для фильма, и там все точно, но мне интересна фраза из биографии героя Кикабидзе, где он вспоминает, что работал днем в «мелком ремонте» в гостинице, а ночью проигрывал заработанные гроши. Николаич познано мнил меня с мелким холодным сапожником, днем живущим и работающим под лестницей в «Жемчужной», а ночью просиживающим в казино в ожидании удачи. Она не приходит. Не «Фортуна». Реальные люди живут в его фильмах. Так как не могут жить в нашем лучшем из миров. Это я к слову.

Сейчас многие научились читать и писать и вызубрили чертову уйм слов, употребляя их как попало. Компьютер позволяет эти наборы превратить в подобие книжек. Видеокамеры дали возможность делать подобие фильмов, а фото-мыльницы — подобие фотографий. Очень много подобия и в кино. Наличие таланта, вкуса и способности отбора отличают реальное произведение от подобия.

У Данелии есть все три компонента. В отборе же он невероятно жесток. Легко и без сожаления при монтаже он избавляется от необязательного. Поэтому, когда наконец он пригласил меня на роль затерявшегося в толпе мужчины, я держался поближе к маэстро, который в каждом фильме играет крошечный эпизод. В «Насте» это был некий перепившийся деятель искусства, которого уводит с помпезной презентации в метро. Уводил я. Без слов. Страсть к перевоплощению настолько поглотила меня, что, наткнув пальто о поднятым воротником, шлупу и темные очки, я стал совершенно неузнаваем. А если учесть, что и снимали меня со спины, то можно считать, что урон художественности я нанес небольшой.

После первого успеха было очевидно, что режиссер пригласит меня на следующую роль в фильм «Орет и решка». Картина нежная, трогательная, с традиционным для Георгия Николаевича участием безвестных до того актеров, которые после данелиевских фильмов часто становятся звездами.

Так оно и произошло. Фраза, произнесенная мною на экране, требовала проживания всей жизни героя. Едва я сказал: «Крупное воспоминание легких», большой зал Дома кино взорвался аплодисментами, которые не утихли до сих пор.

Недавно он закончил «Фортуну». Причуду о пьющей по Волге барже и ее обитателях. Там есть все, что нас пугает. Но хочется держаться за ее спасательный круг. Хочется держаться за руку Георгия Николаевича Данелии. С ним не страшно. Он создает нам круг друзей. Он продолжает придумывать добрые сказки для жизни и делает это умело и со вкусом.

— А теперь на трезвую голову давай, Юра, назовем трех режиссеров, не по порядку, которых ты любишь. Я начну: Феллини — раз!

— Данелия. Два!

— Нет, дорогой!

— Да, дорогой. Кто лучше меня знает, что мне нравится?

— Ладно, дорогой. Хочешь, новое кино покажу?

— Конечно!

— Нету...

— Но будет! Я так думаю.

— Если сниму — будет.

— Кто лучше тебя снимет...

Юрий РОСТ

общая газета

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией.
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Татарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЫКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 7/ф: 915-26-06, e-mail: lov@og.ru
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛКОВЕЦ
Тел.: 915-70-40, e-mail: pr@og.ru

Верстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
П.Р. Ссылка на «ОГ» обязательна
Публикация не несет ответственности
за содержание рекламных сообщений

Отдел распространения: Александр РЕБРИК, Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 205649 экз. (региональный — 144000 экз.)
Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене
Группа компаний «ПБЛИК ПРЕСС»
в С.-Петербурге Метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24
Номер подписан в печать 23.08.2000 г.
Заказ 2073.

Наш подписной индекс: 32138

Редактор: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВИЧЕВА, Юрий СОЛОМОНОВ, Мария СЕДУХ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ, Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректур).
Руководители направлений: Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Ирина ДЕМЕТЬЕВА (провинция), Елена КОЗУРНА (культура), Наталья КРАМНИКОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Игорь НАЙДЕНОВ (право), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Борис ЮАНОВ (международная жизнь).
Обозреватели: Олег ВЛАДИКИН, Максим ГЛИКИН, Василий ГОЛОВАНОВ, Елена ДИКУН, Игорь КОРОЛЬКОВ, Ирина ЛЮБАРСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Елена ПАНОВА. Директор по развитию Елена РЫМКО.